

С п и н о з а .

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Паперна, 6 А

Б. С П И Н О З А

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БЮГРАФИЧЕСКОЕ ОЧЕРКЪ

Г. А. Паперна

Съ портретомъ Спинозы, гравированнымъ въ С.-Петербургѣ К. Адомъ

STANFORD
LIBRARIES

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ»

Воз. Подъячская, 39

1895

B3997
P36

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Марта 1895 г.

1
+3

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Страницка изъ исторіи	5
II. Семья и школа	10
III. Новыя вліянія	17
IV. Отлученіе	28
V. Среди коллегіантовъ	35
VI. Ворбургъ и Гага	47
VII. Смерть. Анагема и апофеозъ	67
VIII. Философія Спинозы	78

ЛИТЕРАТУРА.

Наиболѣе полное оригинальное изданіе произведеній Спинозы принадлежитъ ванъ-Влотену и Ланду (Гага, 1882—83). На русскомъ языкѣ имѣются: 1) «Этика» въ двухъ переводахъ—проф. Модестова (I изд. 1886. III изд. 1894) и Н. А. Иванова (1892), и 2) «Переписка» въ пер. г-жи Гуревичъ, подъ ред. г. Волинскаго (1891). На нѣмецкомъ языкѣ хорошіе и доступные по цѣнѣ переводы важнѣйшихъ произведеній Спинозы появились въ «Библиотекѣ Реклама».

Важнѣйшимъ источникомъ для біографіи Спинозы остается до сихъ поръ «Жизнь Б. де-Спинозы, описанная Іог. Колерусомъ» (переводъ ея приложенъ къ русскому изданію «Переписки»).

Изъ другихъ сочиненій, посвященныхъ біографіи Спинозы и изложенію его философіи, приведемъ только главнѣйшія:

1) *Kuno Fischer*. «Geschichte der neueren Philosophie», III изд., значительно переработанное сравнительно съ первымъ, съ котораго сдѣланъ русский переводъ.

2) *F. Pollock*. «Spinoza, his life and philosophy». Lond. 1880 (лучшее изъ извѣстныхъ намъ сочиненій о Спинозѣ по объективности изложенія и широтѣ взгляда автора).

3) *J. Martineau*. «A study of Spinoza» Lond. 1882 (біографія и излож. философіи).

4) *Caird*. «Spinoza» (Blackwoods Philosophical Classics).—Изложеніе философіи.

5) *Am. Saintes*. «Histoire de la vie et des ouvrages de B. de Spinoza, fondateur de l'exégèse et de la philosophie moderne». Paris. 1842.

6) *Ginsberg*. «Leben und Charakterbild Spinoza's». Leipz. 1876.

7) *A. v. der Linde*. «Spinoza's Lehre und deren erste Nachwirkungen in Holland» Gött. 1862.

8) *Joel*. «Spinozas Theolog.-Polit. Tractat auf seine Quellen geprüft». Bresl. 1870.

9) *Avenarius*. «Über die beiden ersten Phasen des Spinoza. Pantheismus». Leipz. 1868.

10) *L. Stein*. «Leibniz und Spinoza». Berl. 1890.

11) *L. Brunschwig*. «Spinoza». Paris. 1894. (Изложеніе философіи).

12) *К. Ароуъ*. «Спиноза и его ученіе о правѣ». Харьковъ, 1877. Интересный очеркъ государственно-правовыхъ воззрѣній Спинозы къ сожалѣнію въ цитатахъ много пропускать, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ.

Подробныя бібліографическія указанія читатели найдутъ въ «Исторіи новой философіи» *Ибервега-Гейнце*, перев. Я. Н. Колубовскаго. Спб. 1890.

І. Странична изъ исторіи.

Возникновеніе еврейской колоніи въ Амстердамѣ. — Судьбы евреевъ въ Испаніи и Португаліи. — Марраны. — Положеніе дѣлъ въ Нидерландахъ. — Коллегіанты. — Янъ де-Виттъ.

Еврейская колонія въ Амстердамѣ возникла всего за сорокъ лѣтъ до рожденія Спинозы: въ 1591 году здѣсь поселилась горсть португальскихъ маррановъ, спасавшихся отъ преслѣдованій инквизиціи, и Спиноза принадлежалъ слѣдовательно къ первому поколѣнію, родившемуся на новой почвѣ.

Новыя условія не успѣли еще сколько-нибудь существенно повліять на внутреннюю жизнь общины, и обстановка, въ которой выросъ мыслитель, въ значительнѣйшей своей части создавалась подъ вліяніемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ возникновеніе колоніи. Обстоятельствомъ этимъ было одно изъ жесточайшихъ преслѣдованій, какимъ когда либо подвергался много-гонимый народъ, — преслѣдованіе, продолжавшееся безъ малаго три столѣтія. И если обстановка, въ которой выросъ Спиноза, не представляла картины полного опустошенія, если въ окружавшей его духовной атмосферѣ бродили идеи, въ значительной части потомъ вошедшія въ его міросозерцаніе, то объясняется это во-первыхъ тѣмъ, что народъ, къ которому онъ принадлежалъ, считаетъ свою культурную жизнь тысячелѣтіями и свято оберегаетъ остатки своей многовѣковой культуры; во-вторыхъ — тѣмъ, что до гоненій, обрушившихся на испанскихъ и португальскихъ евреевъ въ концѣ среднихъ и началѣ новыхъ вѣковъ, они благоденствовали: цѣлыхъ четыре столѣтія они жили при условіяхъ, о которыхъ не могли и мечтать ихъ единовѣрцы въ христіанскихъ государствахъ Европы: они были граждански-полноправны.

Завоеваніе арабами Пиренейскаго полуострова въ 711 году доставило угнетеннымъ испанскимъ евреямъ полное равноправіе. Они не только пользовались полной религіозной свободой, но часто становились во главѣ арабскихъ школъ, допускались къ высшимъ государственнымъ должностямъ. При такихъ условіяхъ они быстро достигли высокой степени культурнаго и матеріальнаго благосостоянія. Положеніе испанскихъ евреевъ рѣзко измѣнилось къ худшему съ восстановленіемъ на полуостровѣ христіанскаго владычества. Сначала ихъ умственная жизнь продолжала еще въ силу инерціи тѣмъ ускореннымъ темпомъ, который сообщила ей гр

ская свобода, — и XII вѣкъ былъ вѣкомъ расцвѣта испанско-еврейской образованности. Послѣ него начался періодъ гоненій и упадка.

Двѣ причины способствовали усиленію въ Испаніи въ данную эпоху нетерпимости, которая была общимъ удѣломъ евреевъ въ то время и много вѣковъ спустя въ христіанскихъ странахъ Европы. Во-первыхъ, многовѣковая борьба испанцевъ съ маврами вызывала естественный ростъ національнаго и религіознаго самосознанія, скоро выродившагося въ національную исключительность и религіозную нетерпимость. Во вторыхъ, со вступленіемъ на папскій престолъ Иннокентія III и съ возникновеніемъ нищенствующихъ орденовъ римская церковь приняла воинствующій характеръ и вступила въ энергическую борьбу съ невѣрующими и еретиками.

Уже въ 1205 году Латеранскій соборъ принялъ рядъ ограничительныхъ мѣръ противъ евреевъ: воспретилъ имъ занимать государственныя должности, вступать въ общеніе съ христіанами, носить туземныя имена, лечить христіанъ, установилъ для нихъ особую одежду. Мѣры эти, направленные противъ всѣхъ евреевъ, жившихъ въ католическихъ странахъ, имѣли главнымъ образомъ въ виду привыкшихъ къ равноправію испанскихъ евреевъ, давно слившихся съ кореннымъ населеніемъ по обычаямъ и языку, — на испанскомъ языкѣ до сихъ поръ говорятъ ихъ потомки въ Азіи и Африкѣ. Онѣ ставили себѣ цѣлью искусственно обособить ихъ, приучить население смотрѣть на нихъ, какъ на низшую расу, какъ на паріевъ, стоящихъ внѣ покровительства законовъ. Не всѣ онѣ могли быть осуществлены на практикѣ. Даже въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ евреевъ лейбъ-медиками у королей и папъ въ виду недостатка въ научно-образованныхъ врачахъ-христіанахъ. Но ограничительныя мѣры достигали своей цѣли, постепенно фанатизируя массу, цѣлыя столѣтія мирно уживавшуюся съ евреями и дружелюбно относившуюся къ нимъ въ Испаніи даже въ фанатическую эпоху крестовыхъ походовъ, записанную кровавыми чертами въ исторіи евреевъ другихъ европейскихъ странъ. Въ 1391 году надъ испанскими евреями разразилось первое кровавое гоненіе, сопровождавшееся насильственнымъ обращеніемъ ихъ въ католичество. За нимъ слѣдовали другія, и наконецъ въ 1492 году, послѣ взятія Гранады — послѣдняго оплота Мавританскаго владѣчества на полуостровѣ, — Фердинандъ-Католикъ и Изабелла издали указъ объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи. Имъ разрѣшено было остаться въ странѣ подъ условіемъ принятія католичества. Условіе было невыполнимо, и почти все еврейское населеніе Испаніи около 300 тыс. человѣкъ — покинуло родину. Часть ихъ на-

правились въ болѣе терпимые Египеть и Турцію, гдѣ они были радушно приняты султаномъ Баязетомъ, — большинство (около 200 тыс.) переселилось въ сосѣднюю Португалію. Послѣднихъ ждала еще болѣе тяжкая участь.

Сочувственно относившійся къ нимъ вначалѣ король Эммануилъ, послѣ бракосочетанія съ дочерью Фердинанда и Изабеллы, инфантой Изабеллой, повторилъ указъ своего тестя, но въ то же время принялъ мѣры, чтобы лишить евреевъ возможности оставить страну въ назначенный срокъ. Послѣ этого они были объявлены, какъ преступившіе королевское повелѣніе, рабами короля и насильственно обращены въ католичество. Обращеніе это сопровождалось массовыми самоубійствами и самосожженіями. Несмотря на востойчивыя требованія папъ, находившихъ образъ дѣйствій португальскаго короля несоотвѣтствующимъ достоинству католической религіи, разрѣшеніе выселиться дано было — уже потомкамъ новообращенныхъ — только спустя столѣтіе, въ 1582 году, но опять было у нихъ отнято черезъ пять лѣтъ, когда Португалія была присоединена къ владѣніямъ Филиппа II. Впрочемъ выселиться было некуда: во всей Европѣ ихъ ждали тѣ же гоненія и преслѣдованія.

Благодаря описаннымъ событіямъ, на Пиренейскомъ полуостровѣ появилось множество насильственно-обращенныхъ, «новыхъ христіанъ» (*novos christianos*) или маррановъ. Они ненавидѣли насильственно навязанную имъ вѣру и тѣмъ страстнѣе были преданы религіи своихъ отцовъ, обряды которой исполняли втайнѣ. Несмотря на преслѣдованія инквизиціонныхъ трибуналовъ, превратившихъ Пиренейскій полуостровъ въ гигантскій костеръ, на которомъ ежегодно сжигались тысячи человѣческихъ жертвъ, эта преданность сохранилась даже въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи маррановъ, пользовавшихся всякимъ удобнымъ случаемъ для возвращенія въ іудейство. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ эта возможность представилась, когда возстаніе Нидерландовъ противъ Филиппа II создало на сѣверѣ Европы свободную республику, превозгласившую основнымъ принципомъ своего государственнаго строя религіозную вѣротерпимость.

Долгія преслѣдованія развиваютъ подозрительность, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что испанскіе евреи ожидали встрѣтить во всякомъ христіанинѣ притѣснителя, обидчика и врага. Въглецы, прибывшіе въ Амстердамъ въ 1591 году, не рѣшались довѣряться обѣщаніямъ правительства и долгое время скрывались, тайкомъ собираясь для общаго богослуженія. тайныя собранія возбуждали подозрѣнія властей и молельна

въ день покаяніа оцѣплена войсками. Фактъ, казавшійся несчастнымъ марранамъ началомъ новыхъ гоненій, послужилъ къ выясненію ихъ положенія: имъ была предоставлена полная религіозная свобода и всѣ гражданскія права, за исключеніемъ права занимать государственныя должности, но о послѣднемъ они и не мечтали. Впослѣдствіи и это ограниченіе—естественное по отношенію къ чужеземцамъ—было отиѣнено. Вѣсть о вѣротерпимости, встрѣченной въ Нидерландахъ первыми переселенцами, вызвала приливъ туда новыхъ бѣглецовъ изъ Португаліи, несмотря на трудности, которыми обставлено было переселеніе. Въ 1670 г. португальская община насчитывала уже 4.000 семействъ. Вскорѣ здѣсь возникли типографія и правильно организованное семиклассное училище. Исполненные глубокой благодарности къ пріютившей ихъ странѣ, евреи называли Амстердамъ «новымъ Іерусалимомъ». На почвѣ полной вѣротерпимости между туземнымъ населеніемъ и переселенцами скоро установились ничѣмъ не омрачавшіяся хорошія отношенія. Спустя нѣсколько поколѣній, переселенцы усвоили себѣ обычаи и языкъ своей новой родины и превратились въ вѣрныхъ гражданъ, дорожащихъ ея учрежденіями и гордящихся своей принадлежностью къ свободной и вѣротерпимой республикѣ.

Положеніе дѣлъ въ Нидерландахъ въ эпоху переселенія туда первыхъ португальскихъ выходцевъ носило еще всѣ черты смутнаго времени. Война съ Испаніей продолжалась, и нидерландцы часто терпѣли пораженія въ борьбѣ съ превосходившимъ ихъ и силою, и опытностью полководцевъ непріятелемъ. Тѣмъ не менѣе становилось уже яснымъ, что маленкій народецъ, упорно отстаивавшій свою независимость отъ деспотическаго гнета могущественнѣйшей тогда въ мірѣ монархіи, достигнетъ своей цѣли. Фактически признанная гагскимъ перемиріемъ 1609 года независимость Штатовъ получила юридическое признаніе только въ 1648 году, уже при жизни Спинозы.

Внутри страна переживала періодъ броженія. Штатамъ предстояла трудная организаціонная задача—создать государство, въ которомъ верховенство народного представительства (общаго сейма) и разнообразныя привилегіи отдѣльных штатовъ и городовъ уживались бы съ сильной центральной властью. Послѣдняя казалась необходимой въ неокрѣпшей еще молодой республикѣ, которой въ первые же годы ея независимой жизни пришлось вести войны съ Испаніей, Англіей и Франціей. Населеніе дѣлилось на гѣи. Большинство, привязанное къ памяти великаго основателя

республики, Вильгельма Молчаливаго, принадлежало къ оранской партіи, требовавшей сосредоточенія исполнительной власти и командованія войсками въ рукахъ наслѣдственнаго штатгальтера изъ оранскаго дома. Образованное и зажиточное меньшинство, входившее въ составъ республиканской партіи, опасаясь превращенія Штатовъ въ неограниченную монархію, стремилось къ отдѣленію административной власти отъ военной и къ расширенію правъ общаго сейма.

Политическія разногласія осложнялись религіозными распрями. Даже въ самомъ вѣротерпимомъ тогда государствѣ Европы, — республикѣ, независимость которой выросла на принципѣ религіозной свободы, — «еретики», секты, отдѣлившіяся отъ общаго протестантскаго вѣроученія, подвергались преслѣдованію. Политическія и религіозныя партіи отчасти совпадали: диссидентскія ученія имѣли сторонниковъ главнымъ образомъ среди республиканской партіи, вообще склонной терпимо относиться къ сектантамъ; оранская партія поддерживала тѣсный союзъ съ фанатическимъ кальвинистскимъ духовенствомъ. Изъ сектантскихъ ученій наиболее распространеннымъ было ученіе анабаптистовъ-меннонитовъ, свившее себѣ прочное гнѣздо въ Нидерландахъ еще въ первыя времена реформации. Многочисленныя общины анабаптистовъ, организованныя потомъ Менно Симонсомъ и получившія названіе меннонитовъ, обращали мало вниманія на развитіе догматической стороны ученія, но были тѣсно сплочены практической моралью, основными положеніями которой были воздержаніе отъ войны и братская помощь другъ другу. Другой сектой, вызывавшей еще болѣе ожесточенныя преслѣдованія, была секта арминіанъ, послѣдователей лейденскаго профессора Арминія, смягчившаго суровое ученіе Кальвина о предопредѣленіи.

Упорная политическая и религіозная борьба длится втеченіи всего перваго періода существованія республики. При сынѣ Вильгельма Оранскаго, Морицѣ, вождь республиканской партіи, одинъ изъ основателей республики, престарѣлый Ольдебарневельдтъ сложилъ голову на плахѣ; другіе видные представители ея, въ томъ числѣ создатель науки о международномъ правѣ, Гуго Гроцій, заключены были въ тюрьму. Въ то же время дортрехтскій соборъ (1618) осудилъ ученіе арминіанъ, какъ еретическое. Имъ воспрещено было публично отправлять богослуженіе, и они скоро сдѣлались съ поставленными въ такое-же безвыходное положеніе меннонитами. Религіозныя собранія ихъ, не имѣя характера публичнаго богослуженія, такъ и назывались «собраніями» (со-

legia), откуда и произошло названіе «коллегіантовъ», подъ которымъ мы встрѣтимъ ихъ въ дальнѣйшихъ главахъ. Республиканская партія получила перевѣсъ только во время малолѣтства Вильгельма III, когда во главѣ республики сталъ человѣкъ незапятнанной честности и благороднаго разносторонне развитого ума, великій пенсіонарій Голландіи, Янъ-де-Виттъ, другъ и, по нѣкоторымъ даннымъ, ученикъ Спинозы. Двадцать лѣтъ его правленія были эпохой величайшаго могущества и процвѣтанія Штатовъ. Какъ читатели помнятъ изъ учебниковъ исторіи, Янъ-де-Виттъ погибъ трагической смертью, вина въ которой почти всецѣло падаетъ на разбойничью политику Людовика XIV. Въ 1672 году громадная французская армія, подъ предводительствомъ принца Конде, неожиданно вторглась въ предѣлы состоявшихъ въ союзѣ съ Франціей Нидерландовъ. Штаты были захвачены врасплохъ, и непріятельская армія подвигалась впередъ, не встрѣчая сопротивленія. Чувствуя невозможность продолжать войну, Янъ-де-Виттъ вступилъ въ переговоры съ непріателемъ; оранская партія распустила слухъ объ измѣнѣ, и Янъ-де-Виттъ былъ растерзанъ настроенной противъ него толпой. Въ біографіи Спинозы намъ придется говорить объ эпизодѣ, относящемся къ этой войнѣ.

II. Семья и школа.

Скудныя свѣдѣнія о семьѣ. — Учителя Спинозы. — Школьныя вліянія: Маймонидъ, Крескасъ, Ибнъ-Эзра, каббала. — Итоги. — Начало сомнѣній.

Барухъ Спиноза родился въ Амстердамѣ 24 ноября 1632 года. Родители его были марраны, переселившіеся изъ Португаліи или Испаніи. Послѣднее представляется болѣе правдоподобнымъ. Свой протестъ противъ административной высылки изъ Амстердама Спиноза написалъ на испанскомъ языкѣ, тогда какъ официальнымъ языкомъ общины былъ португальскій. Самая фамилія «Спиноза» ведетъ повидимому свое начало отъ одной изъ многочисленныхъ деревушекъ того-же имени, расположенныхъ въ окрестностяхъ Бургоса. Это конечно второстепенныя мелочи, и мы касаемся ихъ только для того, чтобы показать читателю, какъ скудны наши свѣдѣнія даже относительно элементарныхъ фактовъ жизни Спинозы.

О семьѣ Спинозы мы знаемъ очень мало. Родители его были повидимому зажиточные люди и занимались торговлей. У Спинозы были двѣ сестры, имена которыхъ сохранилъ намъ Колерусъ, — интересныя имена, не оставившія по себѣ никакихъ слѣдовъ въ жизни мыслителя. О дѣтствѣ его мы ничего не знаемъ и пре-

доставляемъ на этотъ счетъ фантазіи читателя неограниченный просторъ. Позднѣйшія событія жизни Спинозы сдѣлали невозможнымъ полученіе о немъ какихъ-либо свѣдѣній отъ его семьи. Близкіе же друзья Спинозы не оставили намъ никакихъ біографическихкихъ замѣтокъ, вѣроятно по желанію самого Спинозы: онъ осуждалъ авторское честолюбіе и запретилъ даже выставить на посмертныхъ произведеніяхъ свое имя.

Учебные годы Спинозы прошли вѣроятно всѣ въ школѣ, основанной португальскими выходцами въ 1639 году, т. е. когда ему было семь лѣтъ. Это было правильно организованное училище, въ старшихъ классахъ котораго ученики изучали богословіе, еврейскую филологію, риторику и пѣтику. Во главѣ его стояли раввины: Саулъ Мортейра, Исаакъ Абоабъ и Манассе-бенъ-Израэль. Всѣ трое были люди мало выдающіеся. Старшій изъ нихъ, Саулъ Мортейра, ученикъ и родственникъ знаменитаго врача Элія Монтальто, лейбъ-медика королевы Маріи Медичи, былъ сравнительно мало знакомъ даже съ богословской литературой. Оставшіяся послѣ него сочиненія—проповѣди и небольшіе трактаты философскаго и апологетическаго содержанія—обнаруживаютъ въ немъ нѣкоторое знакомство съ философской литературой, но представляютъ мало оригинальнаго. Несравненно большей извѣстностью, въ качествѣ талантливаго проповѣдника, пользовался Абоабъ, но, судя по литературнымъ его произведеніямъ, и онъ не представлялъ ничего выдающагося. Младшій товарищъ ихъ, М.-б.-Израэль, тоже талантливый проповѣдникъ, владѣлъ нѣсколькими языками, въ томъ числѣ латинскимъ, и, благодаря личнымъ качествамъ, пользовался дружбой многихъ современныхъ христіанскихъ ученыхъ и государственныхъ дѣятелей. Настойчивый, всецѣло отдававшій себя любимому дѣлу, онъ добился допущенія евреевъ въ Англію (при Кромвеллѣ), но въ умственномъ отношеніи стоялъ не выше своихъ товарищей. Подобно имъ, онъ увлекался мистикой, считалъ ересью критическое отношеніе къ Талмуду и апокрифическимъ книгамъ каббалы. Всѣ трое не отвѣчали тѣмъ требованіямъ, какія выравъ была предъявлять къ своимъ руководителямъ молодая община, и безъ того, въ силу самихъ условий своего возникновенія, стремившаяся держаться буквы преданія. Въ руководимую ими школу они внесли вѣроятно тотъ же духъ мертвящаго, сосредоточеннаго на обрядовой сторонѣ формализма, который они закрѣпляли въ религіозной жизни общины.

Тѣмъ не менѣе амстердамское училище дало вѣроятно Спинозѣ то же, что могла дать тогдашняя школа вообще. По характеру пр

подаванія оно мало чѣмъ отличалось отъ тогдашнихъ христіанскихъ школъ. И здѣсь, и тамъ преобладало богословіе—изученіе Св. Писанія и толкованій къ нему. Разница была только въ томъ, что въ однихъ изучалась патристика и схоластическая философія, въ другихъ—талмудъ и религіозная философія Маймонида и его послѣдователей. Аналогія тутъ полнѣе, чѣмъ можетъ думать читатель. Подобно схоластикѣ, средневѣковая еврейская философія, возникновеніе и расцвѣтъ которой на сто лѣтъ предшествуетъ возникновенію и расцвѣту схоластики, стоитъ на почвѣ аристотелевской философіи и стремится слить ее съ религіей. Если западная церковь одно время носилась съ мыслию о причисленіи Аристотеля къ лику святыхъ, то для Маймонида Аристотель—почти такой-же Богомъ ниспосланный источникъ истины, какъ Св. Писаніе. Философія и вѣра (т. е. догматика) не могутъ противорѣчить другъ другу, такъ какъ обѣ онѣ—продукты божественной природы. И въ этихъ попыткахъ сліянія науки съ богословіемъ—какъ во всѣхъ подобныхъ попыткахъ—буква преданія не всегда торжествуетъ, и ясный смыслъ эпического разсказа произвольно истолковывается въ угоду требованіямъ метафизики. Чтобы дать читателю понятіе объ этой своеобразной манерѣ мышленія, приведемъ одно мѣсто изъ Маймонида, цитируемое Спинозой.

Речь идетъ о вѣчности міра, одномъ изъ основныхъ положеній аристотелевской философіи. На этотъ разъ Маймонидъ не присоединяется къ своему учителю, но, — какъ онъ характерно заявляетъ, — «совсѣмъ не потому, что этому противорѣчитъ разсказъ Библии о сотвореніи міра. Вѣдь несмотря на то, что въ Св. Писаніи встрѣчаются мѣста, какъ будто указывающія на тѣлесную природу Бога, мы признаемъ Его однакоже безтѣлеснымъ, такъ какъ безтѣлесная природа его ясно доказана, а потому всѣ мѣста Св. Писанія, противорѣчащія этому, должны быть толкуемы въ соотвѣствующемъ смыслѣ. Вѣчность же міра не доказана; поэтому нѣтъ необходимости насиловать смыслъ Библии ради взгляда, который, правда, привлекателенъ, но быть можетъ будетъ замѣненъ противоположнымъ, если найдены будутъ достаточныя основанія». Какъ бы ни былъ дикъ этотъ взглядъ, послѣдовательное проведеніе его открывало извѣстный просторъ научной дѣятельности, и Маймонидъ является въ значительной степени рационалистомъ. Нѣкоторые изъ его взглядовъ не могли не показаться смѣлыми въ XII вѣкѣ, но попытка осудить произведенія Маймонида, какъ еретическія, сдѣланная спустя четверть вѣка послѣ его

смерти (1206), вызвала такой единодушный взрывъ негодованія, что обскуранты поспѣшили отказаться отъ своей затѣи. Когда эта попытка была возобновлена въ XIV вѣкѣ, то община и раввины Монпелье объявили, что предадутъ отлученію всякаго, кто будетъ изъ религиозныхъ побужденій отклонять своихъ дѣтей отъ изученія любой науки на любомъ языкѣ,—всякаго, кто будетъ осуждать писателя, трактующаго о богословскихъ предметахъ, на основаніи философскихъ его убѣжденій, и наконецъ всякаго, кто позволить себѣ назвать еретическими произведенія Маймонида,—любопытный образчикъ огражденія свободы мысли при помощи обычнаго орудія богословской нетерпимости.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ, спустя четыре слишкомъ столѣтія послѣ смерти Маймонида, онъ былъ вѣками освященный авторитетъ, и взгляды его получили силу почти религиозныхъ догматовъ. Изъ вліаній, окружавшихъ Спинозу въ школьные годы, вліаніе произведеній Маймонида было однимъ изъ наиболѣе сильныхъ: какъ показала новѣйшая критика, слѣды внимательнаго изученія Маймонида встрѣчаются въ важнѣйшихъ произведеніяхъ Спинозы—главнымъ образомъ въ «Теологико-Политическомъ трактатѣ», но также и въ «Этикѣ». Можетъ показаться страннымъ, что, несмотря на значительную примѣсь раціонализма во взглядахъ Маймонида, несмотря на то, что его взгляды нерѣдко тѣсно соприкасаются со взглядами Спинозы, послѣдній въ своихъ произведеніяхъ относится къ Маймониду съ нескрываемой враждебностью. И однакоже явленіе это вполне понятно. Прежде всего научная честность Спинозы возмущалась приемами, которые Маймонидъ примѣнялъ къ истолкованію Св. Писанія. У Маймонида они были слѣдствіемъ искренняго его убѣжденія, что наука и Св. Писаніе не могутъ противорѣчить другъ другу. Но въ XVII вѣкѣ наивная непосредственность эпохи Маймонида исчезла безвозвратно. Въ «Теологико-Политическомъ трактатѣ» Спиноза будетъ прибѣгать къ сходнымъ приемамъ, но они будутъ у него носить характеръ ѣдкой ироніи. И приемы эти у теологовъ будутъ вызывать ожесточеніе и неважестъ, которыя были бы можетъ быть менѣе сильны, еслибы Спиноза выступилъ съ простымъ отрицаніемъ.

Кромѣ того приемы Маймонида, какъ и всѣ попытки сліянія науки съ богословіемъ, вели въ концѣ концовъ къ застою. Метафизическія и научныя представленія извѣстной эпохи, закрѣпляясь, принимали характеръ догматовъ, и критическое отношеніе къ нимъ становилось невозможнымъ. Создавалось привилегированное положеніе для ученій извѣстныхъ научныхъ и метафизическихъ шѣ и съ этимъ положеніемъ приходилось считаться борцамъ, и

гавшимъ новые пути для человѣческой мысли. Естественнo, что единственныя мыслимыя отношенія были отношенія борьбы, и во время этой борьбы некогда было считаться съ точками духовнаго родства и соприкосновенія.

Изъ противниковъ Маймонида и аристотелевской философіи Спиноза былъ знакомъ съ произведеніями Крескаса (XIV в.). Въ богатой литературѣ о «предшественникахъ Спинозы» вопросъ о вліяніи на него ученія Крескаса играетъ важную роль, но мы за недостаткомъ мѣста не можемъ его касаться. Укажемъ только, что философія Крескаса носитъ яреую детерминистскую окраску, и что мистическій языкъ основныхъ ея положеній сильно напоминаетъ смущающія современнаго читателя теоремы послѣдней части «Этики».

Несравненно симпатичнѣе, чѣмъ Маймонидъ, былъ Спинозѣ другой комментаторъ Св. Писанія, Ибнъ-Эзра, старшій современникъ Маймонида. Безпокойная натура, проводшая въ скитаніяхъ почти всю вторую половину своей жизни, поэтъ, математикъ, астрономъ и филологъ, Ибнъ-Эзра соединялъ съ рѣдкимъ критическимъ талантомъ и смѣлостью мысли громадную и разностороннюю эрудицію, необходимую для экзегета. Опасаясь обвиненія въ ереси, Ибнъ-Эзра высказывалъ свои взгляды туманными намеками. Спиноза относился къ нему всегда съ большимъ уваженіемъ, и въ его рукахъ туманные намеки Ибнъ-Эзры превратились въ безпощадную критику преданія.

Кромѣ этихъ вліяній, носившихъ уже въ себѣ зародыши борьбы съ унаслѣдованной традиціей, Спинозу въ школьные годы окружали другія еще вліянія, дѣйствовавшія въ томъ же смыслѣ. Подобно тому какъ въ христіанской средневѣковой философіи рядомъ со схоластикой существовала мистика, такъ философіи Маймонида и его продолжателей приходилось бороться съ каббалой. Происхожденіе каббалы съ точностью не выяснено; повидимому она выросла на той же почвѣ, что и новоплатонизмъ, возникшій на востокѣ, — какъ кажется, подъ вліяніемъ ученія Зороастра. Впослѣдствіи ново-платоновскіе элементы приводили въ каббалу неоднократно. Распространяясь медленно и осторожно, ученіе каббалы сдѣлалось общедоступнымъ, благодаря изданію книги «Зогаръ» только въ XIV вѣкѣ, увлекло въ свое время гуманистовъ Рейхлана и Пиконде-Мирандолу и достигло высшей степени вліянія въ еврейскомъ мірѣ въ XVII вѣкѣ; какъ мы видѣли, учителя Спинозы были мистики и каббалисты. Каббала являлась протестующимъ элементомъ тогдашнѣе еврействѣ, противопоставляя авторитету раввинскаго ученія свой авторитетъ таинственнаго и древняго преданія,